

Нечволодов Александр Дмитриевич

**Очерк явлений войны в
представлении полководца по
письмам Наполеона за лето и
осень 1813 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Дмитриевич Н.**
Очерк явлений войны в представлении полководца по письмам Наполеона за лето и осень
1813 года / Нечволодов Александр Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
137 с.

ISBN 978-5-519-99377-7

ISBN 978-5-519-99377-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ современномъ военномъ обществѣ еще до сихъ поръ не установлено вполнѣ опредѣленный взглядъ на ту область военного дѣла, которая обнимаетъ собою дѣятельность полководца. Хотя европейская военная литература и обладаетъ рядомъ чрезвычайно серьезныхъ трактатовъ о веденіи войны, но тѣмъ не менѣе, внимательный читатель не можетъ не замѣтить, на сколько разнятся между собою произведенія писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ.

Рядомъ съ авторами, доказывающими, что война имѣетъ свои законы, а потому и дѣйствія полководца должны также подчиняться извѣстнымъ законамъ, существуетъ другая обширная и не менѣе талантливая группа писателей, которая или вовсе отвергаетъ возможность существованія науки о веденіи войны, или обходитъ вопросъ этотъ молчаніемъ; а между тѣмъ, разрѣшеніе его въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ имѣетъ огромную важность именно теперь, когда на историческую сцену Европы явились милліонныя арміи, при полномъ отсутствіи практически подготовленныхъ для управленія ими вождей.

Изъ какихъ-же основаній должно вытекать разрѣшеніе этого вопроса?

Многовѣковая умственная дѣятельность всего человѣческаго рода подарила намъ великую истину — о подчиненіи всякаго явленія міровому закону связи причины со слѣдствіемъ.

Къ началу текущаго столѣтія, всеобщность этого закона была пезыблемо установлена лишь для явленій міра матеріальнаго, такъ-какъ признаніе его существованія въ мірѣ духовномъ, встрѣчало повидимому, непреодолимое препятствіе въ присущемъ каждому человѣку глу-

бокомъ убѣжденіи, на которомъ покоится весь нравственный строй всякаго общества, — убѣжденіи о свободѣ воли; однако, подѣ влияніемъ подавляющаго количества фактовъ, получавшихся при разработкѣ психологическаго матеріала, всѣ передовые мыслители XIX вѣка должны уже были прійти къ единодушному заключенію, что вѣра въ свободную волю личности не исключаетъ собою подчиненія закону связи причины со слѣдствіемъ и всѣхъ явленій міра духовнаго. Признаніе всеобщности этого закона повлекло за собою положеніе, что одинаковыя причины вызываютъ и одинаковыя явленія, а потому и установило логическую возможность построенія науки о всякаго рода явленіяхъ, включая въ число ихъ, конечно, и войну. Методъ для научной разработки любого явленія установленъ сравнительно уже довольно давно: онъ заключается въ разложеніи изучаемаго явленія на составные элементы, въ изслѣдованіи свойствъ этихъ элементовъ, въ выясненіи ихъ взаимныхъ отношеній во времени и въ пространствѣ, и наконецъ, въ выводѣ ряда обобщеній, обнимающихъ собою всѣ случаи явленія.

Выполненіе всего этого и составляетъ задачу науки, такъ-какъ наука есть ничто иное, какъ полное изученіе явленія, съ конечною практическою цѣлью пріобрѣсти возможность предсказывать его.

Но, подобная разработка на практикѣ осуществляется въ полномъ объемѣ лишь въ весьма ограниченной области, такъ-какъ встрѣчаетъ, въ большинствѣ случаевъ, на пути своемъ, препятствія, непреодолимыя при современномъ состояніи знанія. Безъ сомнѣнія, послѣ открытія Ньютона, возможность точно опредѣлить величину притяженія трехъ тѣлъ, взаимно тяготеющихъ другъ къ другу, является на первый взглядъ весьма нетрудной задачей, однако на самомъ дѣлѣ, даже и она не выполнима, такъ-какъ до сихъ поръ всѣ средства вычисленія были недостаточны для полученія какого либо общаго рѣшенія, кромѣ приближительнаго.

Этотъ примѣръ совершенно ясно показываетъ, какъ безконечно далека военная наука отъ того состоянія, когда она будетъ имѣть возможность давать рѣшенія на всѣ случаи и предсказывать событія.

Война всегда будетъ царствомъ случая, то есть средой такого рода явленій, который связать между собою цѣлью причинъ, одна изъ другой вытекающихъ, мы не въ состояніи.

Наука о войнѣ, по громадной своей сложности, должна принадлежать къ тому обширному разряду наукъ, которыя носятъ названіе наукъ неточныхъ.

Отъ этихъ неточныхъ наукъ, разумѣется, напрасно было-бы ожидать исполнѣ безусловныхъ общихъ выводовъ, но тѣмъ не менѣе, извѣстная степень знанія, даваемая ими, и даже весьма далекая отъ возможности предсказанія, имѣетъ всегда большое практическое значеніе.

Цѣль неточной науки заключается въ томъ, чтобы настолько объяснить человѣку разбираемое ею сложное явленіе, чтобы онъ могъ выполнѣ сознательно относиться къ нему и опредѣлять если и не результатъ взаимодействія всѣхъ причинъ его обуславливающихъ, то, по крайней мѣрѣ, вліяніе каждой изъ нихъ порознь, что уже одно имѣетъ громадную важность.

Обобщенія, создаваемые подобной наукой, разъ они относятся до всего изучаемаго явленія во всей его цѣлости, при всей своей очевидной пользѣ, имѣютъ, конечно, лишь приблизительную достовѣрность и для возможно большаго ея достиженія, они должны быть подвергаемы контролю выводовъ тѣхъ наукъ, которыя предполагаются этой неточной наукой по существу.

Вотъ положеніе, въ которомъ находится и наука о войнѣ и выводы ея не должны представлять изъ себя окончательныхъ универсальныхъ формулъ, а лишь служить прочными отправными точками, для правильнаго пониманія того чрезвычайно сложнаго явленія, которое обнимается понятіемъ — война.

Выводы эти, какъ и выводы всякой другой неточной науки, для пріобрѣтенія наивозможно большей достовѣрности, должны быть повѣряемы выводами, проистекающими изъ разсмотрѣнія свойствъ тѣхъ элементовъ, которые входятъ въ составъ войны.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ въ этомъ направленіи ничего не было-бы сдѣлано.

Напротивъ, сдѣлано очень многое.

Война давно уже разложена на ея главнѣйшіе составные элементы и даже взаимныя ихъ отношенія, на сколько это было возможно, опредѣлены довольно вѣрно.

Но если, въ числѣ прочихъ, элементы мѣстный, числовой и геометрическій, подверглись уже почти всестороннему изслѣдованію и если уже существуетъ рядъ теоретическихъ трактатовъ о войнѣ, въ которыхъ за основаніе положенъ тотъ или другой изъ нихъ, то самому человѣку, со всѣмъ его громаднымъ духовнымъ міромъ, было отведено до сихъ поръ въ военной наукѣ весьма скромное мѣсто.

Правда, почти каждый изъ авторовъ, писавшихъ о войнѣ, считалъ долгомъ указать въ первыхъ страницахъ своего сочиненія на громадную важность духовнаго элемента, но этимъ, обыкновенно, дѣло и кончалось и въ послѣдующихъ выводахъ онъ уже почти нигдѣ не припоминался въ соображеніе. Только Ллойдъ и Клаузевицъ составляютъ нѣкоторое исключеніе. Они, болѣе чѣмъ кто либо, упирали на важность духовнаго начала, но тѣмъ не менѣе и они, во многихъ своихъ положеніяхъ, также какъ и другіе писатели, совершенно упускали его изъ виду.

До сихъ поръ нѣтъ еще ни одного сочиненія, гдѣ бы психологическій элементъ, всѣми признаваемый за важнѣйшій, былъ-бы проведенъ съ такой непрерывностью и послѣдовательностью во всѣхъ теоретическихъ выводахъ и положеніяхъ, какъ напримѣръ, это сдѣлано съ элементами мѣстнымъ и числовымъ. А это, проводить къ заключенію, что въ ряду обобщеній, созданныхъ современной теоріей, есть еще большой незаполненный пробѣлъ.

Такое положеніе военной науки является, конечно, слѣдствіемъ весьма вѣскихъ причинъ.

Съ одной стороны, несмотря на громадность военно-историческаго матеріала, паходящагося въ распоряженіи изслѣдователей, свойства этого матеріала весьма несовершенны, а главное, крайне односторонни и если съ помощью его то или другое военное событіе и можетъ быть возстановлено съ достаточной точностью, то только въ одной лишь внѣшней своей части; годъ, мѣсяцъ, число, а иногда и часъ какого либо столкновенія, количество сражавшихся, мѣстность на которомъ оно происходило и его ближайшія послѣдствія, все это еще можетъ быть возсоздано путемъ терпѣливой работы; но духовное состояніе участниковъ и вліяніе его на само событіе, которое въ сущности, главнымъ образомъ, и складывается подъ этимъ вліяніемъ, если и оставило какой либо слѣдъ въ матеріалахъ, паходящихся въ рукахъ изслѣдователя, то слѣдъ настолько слабый и сбивчивый, что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, онъ совсѣмъ исчезаетъ рядомъ съ внушительными размѣрами данныхъ, рисующихъ внѣшнюю обстановку явленія.

Съ другой стороны, науки, выводами которыхъ повѣряется правильность выводовъ, истекающихъ изъ разсмотрѣнія матеріальныхъ элементовъ войны, давно уже стоятъ на высокой степени развитія, а наука о человѣкѣ и въ частности психологія, такъ еще недавно вышли изъ зачаточнаго состоянія и такъ еще много имѣютъ весьма важныхъ неразработанныхъ вопросовъ, что до послѣдняго времени ихъ выводы лишь очень мало могли служить цѣлямъ войны.

Но все-же, въ этомъ отношеніи военными изслѣдователями, какъ кажется, сдѣлано было еще меньше, чѣмъ позволяла наличность, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи средствъ.

Если во времена Ллойда и Клаузевица, психологія какъ наука не существовала почти вовсе, если и до сихъ поръ отдѣлы ея, занимающіеся изслѣдованіями чувства и воли — разработаны крайне несовершенно, то все-таки, за послѣдніе 40—50 лѣтъ, она успѣла уже стать на вполне твердую почву и обогатиться многими несомнѣнными истинами. Истины эти могутъ сослужить немалую службу и военной наукѣ. Одна изъ нихъ заключается въ положеніи, что знать явленіе само по себѣ, его сущность, мы совершенно не въ состояніи, а судимъ его лишь

на основаніи того, какимъ оно намъ кажется; положеніе это влечетъ за собою слѣдствіе, что при различныхъ точкахъ зрѣнія, одно и тоже явленіе представляется и въ совершенно различныхъ видахъ, а изъ этого, въ свою очередь, вытекаетъ и слѣдующее: всѣ свои выводы, теорія войны должна строить, разсматривая явленія не только такими, какими они представляются изслѣдователю, но также и такими, какими они казались ихъ участникамъ.

Въ этомъ отношеніи наибольшую трудность, по вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій практическій интересъ, представляетъ установленіе той точки зрѣнія, съ которой война является полководцу.

Точка зрѣнія эта до сихъ поръ почти вовсе не выяснена. Процессы Бенедика и Базена, когда цѣлыя націи не могли рѣшить—имѣютъ ли онѣ дѣло съ измѣнщиками, или съ ни въ чемъ неповинными людьми—служатъ, конечно, лучшимъ этому доказательствомъ. Писатели-беллетристы, избравшіе для своихъ темъ войну, тоже не дѣлали попытокъ изобразить еѣ съ точки зрѣнія полководца. Ни „Война и миръ“ графа Толстаго, ни „Salammbô“ Густава Флобера, ни „La Débâcle“ Эмиля Золя, ничего не даютъ намъ въ этомъ отношеніи.

А между тѣмъ, масса появившихся за послѣднее время въ печати мемуаровъ, писемъ, записокъ и другихъ архивныхъ документовъ, относящихся къ эпохѣ первой имперіи, даютъ нѣкоторую надежду, хотя сколько нибудь, проникнуть во внутренній міръ главнаго дѣятеля этой эпохи и одного изъ величайшихъ полководцевъ исторіи—Императора Наполеона I-го и во многихъ случаяхъ взглянуть на событія такъ, какъ они именно ему представлялись.

Въ осуществленіи подобной попытки и заключается цѣль настоящаго труда.

Для изслѣдованія выбрана осенняя кампанія 1813 года, такъ какъ по количеству войскъ, участвовавшихъ въ ней съ обѣихъ сторонъ и по крайней сложности операцій, она болѣе всякой другой кампаніи подходитъ къ условіямъ ближайшей будущей европейской войны.

Основаніемъ всей работы послужила корреспонденція Императора, одна треть которой, въ тридцати двухъ большихъ томахъ, была обнародована еще въ шестидесятыхъ годахъ повелѣніемъ Наполеона III.

Пользуясь этой корреспонденціей, германскій военный писатель, графъ Гюркъ фонъ-Вартенбургъ, въ своемъ сочиненіи „Napoleon als Feldherr“ хотѣлъ было сдѣлать нѣкоторые шаги къ возсозданію всей духовной дѣятельности Наполеона въ военномъ отношеніи, начиная съ его юности и кончая Ватерлоо; но писателю этому не удалось выяснить указанную выше точку зрѣнія и въ работѣ своей онъ не придерживался положенія, что при аналитическомъ изслѣдованіи военная исторія не можетъ быть повѣряема теоріей, а наоборотъ, теорія должна быть повѣряема

военной исторіей. Вслѣдствіе этого, упомянутое сочиненіе не только не освѣтило съ военной стороны личность Наполеона, но даже и поспособствовало внесенію въ литературу нѣсколькихъ ложныхъ взглядовъ на его кампаніи, и между прочимъ, и на кампанію 1813 года.

Трудомъ графа Горка, вопросъ о выясненіи чѣмъ именно является война въ представленіи полководца нѣсколько не подвинулся впередъ, хотя давно уже, другой германскій военный писатель — далъ общія основанія для подобной работы, въ слѣдующихъ превосходныхъ словахъ:

„Война есть царство случая. Ни въ одной отрасли человѣческой дѣятельности не играетъ онъ такой значительной роли какъ на войнѣ, такъ какъ только она одна находится съ нимъ въ самомъ постоянномъ и всестороннемъ соприкосновеніи; въ ней онъ увеличиваетъ туманность всей обстановки, нарушая порой и ходъ самихъ событій. Неясность всѣхъ донесеній и предположеній, вмѣстѣ съ этимъ непрестаннымъ вмѣшательствомъ случая, заставляетъ полководца непрерывно видѣть положеніе дѣлъ въ новомъ свѣтѣ, который необходимо долженъ, такъ или иначе, вліять на уже принятыя рѣшенія или, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторые изъ предположеній, положенныхъ въ ихъ основу. Вліянія эти являются, порою, настолько сильными и убѣдительными, что извѣстныя рѣшенія оказываются несостоятельными; обыкновенно, они немедленно-же должны быть замѣнены другими, вытекающими уже изъ новыхъ основаній, а между тѣмъ часто, для постройки этихъ послѣднихъ, въ нужную минуту именно и не находится подъ рукою достаточно прочнаго матеріала, такъ какъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, напоръ быстро смѣняющихся событій не позволяетъ не только внимательно разобрать въ нихъ, но даже и серьезно обдумать свое рѣшеніе. Впрочемъ, чаще всего происходитъ слѣдующее: прибывающія донесенія и извѣстія, хотя и измѣняютъ безпрестанно взглядъ нашъ на общее положеніе дѣлъ, однако не до такой степени, чтобы дать намъ достаточныя основанія вовсе отказаться отъ предварительнаго нашего рѣшенія, а лишь настолько, чтобы вселить сомнѣніе въ правильности нашихъ выводовъ.

Свѣдѣнія объ обстановкѣ увеличиваются все болѣе, но отъ этого, сама она, въ нашемъ представленіи, не только не разъясняется, но наоборотъ, принимаетъ даже еще болѣе неопредѣленные и расплывчатые формы. Происходитъ это потому, что получаемъ мы означенныя свѣдѣнія не сразу, а лишь постепенно, вслѣдствіе чего умозаключенія наши и не перестаютъ подвергаться перемѣнамъ, а духъ нашъ постоянно долженъ бодрствовать и быть во всемъ своемъ всеоружіи¹⁾“.

¹⁾ Vom Kriege. Hinterlassenes Werk des Generals Carl von Clausewitz. Vierte Auflage. Erster Theil. Berlin 1880. Стр. 50—51.

Въ этотъ очерченный Клаузевицемъ міръ, мы и постараемся, насколько возможно, ввести читатели.

Конечно, наличность сохранившихся матеріаловъ, совершенно не достаточна, чтобы возстановить, съ желательной для цѣлей изслѣдованія точностью, полную картину всѣхъ представленій Наполеона о событіяхъ осенней кампаніи 1813 года; картина эта можетъ быть возстановлена лишь съ значительными пробѣлами, а потому и предлагаемый очеркъ, въ силу необходимости, является далеко неполнымъ по своей законченности.

ГЛАВА I.

Очеркъ обстановки, предшествовавшей осенней кампаніи 1813 года.

Положеніе Наполеона послѣ кампаніи 1812 года.—Весенній походъ 1813 года.—Перемиріе.—Императорская главная квартира.—Приготовленія Наполеона къ осеннему походу.

Березинская переправа положила конецъ существованію великой арміи; ея жалкіе, полузамерзшіе остатки частью погибли отъ холода и оружія русскихъ; частью заперлись въ крѣпостяхъ по Вислѣ и Одеру, и только нѣсколько тысячъ успѣли уйти за Эльбу.

Послѣ бѣдственныхъ дней Борисова и Студинки, Императоръ Наполеонъ нашелъ, что присутствіе его будетъ болѣе полезно въ Парижѣ, нежели при войскахъ.

5-го Декабря, онъ, вмѣстѣ со своимъ шталмейстеромъ Коленкуромъ, выѣхалъ, въ 9 часовъ вечера, въ маленькихъ простыхъ саняхъ изъ Молодечно. Въ двѣнадцатомъ часу ночи 18-го Декабря, императрица Марія-Луиза была разбужена неожиданнымъ пріѣздомъ Императора, а въ 9 часовъ утра 19-го—Наполеонъ сидѣлъ, уже за работой и отдавалъ приказанія о созданіи новой арміи.

Въ половинѣ Апрѣля 1813 года, армія эта, въ 200,000 человекъ, находилась подъ его личнымъ начальствомъ въ Саксоніи для продолженія начатой въ прошломъ Юлѣ борьбы.

Приведи, въ концѣ 1812 года, свои сильно разстроеныя и ослабленныя войска въ Вильно, фельдмаршалъ Кутузовъ полагалъ, что вой-

на съ французами окончится на берегахъ Нѣмана, и мы заключимъ съ ними миръ, которымъ приобрѣтемъ обширную полосу мѣстности, ограниченную съ запада рѣкою Вислою до ея устья.

Взгляды фельдмаршала раздѣлялись государственнымъ канцлеромъ Румищевымъ, Барклаемъ-де-Толли и многими другими представителями русской высшей администраціи.¹⁾

Заключеніемъ подобнаго мира весьма почетнымъ образомъ окончивалась-бы война, крайне тяжелая и разорительная для государства. Но Императоръ Александръ I преслѣдовалъ другія цѣли; изгнавъ французовъ изъ предѣловъ Россіи, онъ рѣшилъ продолжать войну съ Наполеономъ, лично съ нимъ, какъ онъ выражался впоследствии въ своихъ воззваніяхъ къ французскому народу, и для этого—принять на себя роль защитника нѣмецкихъ и другихъ западно-европейскихъ интересовъ. Однако, въ самомъ началѣ 1813 года, правительства Германіи не съ особенною готовностію откликнулись на предложеніе его великодушнаго содѣйствія, и только вступленіе нашихъ войскъ въ предѣлы Пруссіи, взрывъ національнаго чувства ея жителей и самовольное отложеніе генерала Горка отъ французовъ, заставили, въ Февралѣ 1813 года, слабаго и перѣшительнаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, подписать Калишскій трактатъ, по которому его вооруженныя силы перешли на нашу сторону.

Эти соединенныя руссійско-прусскія войска, считавшія въ своихъ рядахъ не болѣе 100,000 человекъ, вступили на поляхъ Саксоніи въ столкновеніе съ новою французскою арміею и послѣ кровопролитныхъ Люценскаго и Бауценскаго сраженій, отступили въ верхнему Одеру.

Здѣсь, въ началѣ Іюня мѣсяца, противники, сильно истощенные предшествующими дѣйствіями, заключили перемиріе, продолжавшееся до половины Августа.

По истеченіи этого перемирія, борьба возобновилась и въ пей уже приняла участіе почти вся Европа.

Рамки настоящаго очерка исключаютъ, конечно, необходимость подробно останавливаться на разъясненіи всѣхъ причинъ, вызвавшихъ эту борьбу, а также и оцѣнивать во всей полнотѣ политическую дѣятельность той или другой исторической личности; для цѣлей изслѣдованія вполне достаточно будетъ, если намъ удастся набросать въ самыхъ общихъ чертахъ картину тогдашняго европейскаго общества...

Послѣ того, какъ 2-го Апрѣля 1810 года, въ большой церкви тюрингійскаго дворца, старшая дочь австрійскаго императора была тор-

¹⁾ Charras. Histoire de la guerre de 1813 en Allemagne. Paris 1872. стр. 60. Müffling. Aus meinem Leben. Berlin 1861. стр. 46 и 52.